
THE NATURE AND ESSENCE OF THE CONCEPT OF BUSINESS MANAGEMENT SYSTEM EFFECTIVENESS

© 2012

S.M. Vasin, doctor of economical science, professor, pro-rector of scientific work*O.A. Mamonova*, postgraduate student*Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky, Penza (Russia)*

Keywords: efficiency; effectiveness; quality; effect; result.

Annotation: In this topic, based on analysis of existing concepts of business management system effectiveness we proposed and justified to determine the effectiveness of management, the relationship of concepts of the business management “quality”, “efficiency” and “effectiveness”, the basic classification of the management effectiveness.

УДК (80:398) (075.8)

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ ФОЛЬКЛОРНОГО СЛОВА

© 2012

М.А. Венгранович, доктор филологических наук,
профессор кафедры «Русский язык и литература»*Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)*

Ключевые слова: фольклорное слово; фольклорное сознание; фольклорная традиция; семантический синкретизм.

Аннотация: В статье рассматривается специфическое свойство фольклорного слова, отличающее его от литературного аналога, — семантический синкретизм, который обусловлен спецификой фольклорного сознания.

Мышление человека в тот или иной период знаменует определенный этап в познании мира и требует особой формы языкового знака для отображения мира, одновременно предопределяя и функциональную сущность этого языкового знака. Поскольку процесс общения в человеческом обществе главным образом протекает в языковой форме, языковой знак одновременно обслуживает индивидуум и коллектив и по этой причине включает в себя результаты не только индивидуального сознания, но и общественного сознания, аккумулируя, таким образом, в себе индивидуально-общественный опыт познания мира. *Фольклорное слово*, являясь специфическим языковым знаком, отразило в своей глубинной семантике все этапы формирования народного самосознания. Итогом этого процесса можно считать *семантический синкретизм* фольклорного знака, наследующий синкретичную целостность фольклорного сознания.

Для архаического (мифологического) этапа развития фольклорного сознания было характерно *нерасчлененно-целостное (синкретичное)* восприятие действительности, которое «было увязано с генетической идеей *происхождения и синтеза*, тогда как современное (научное) на-

правлено на *анализ* и интересуется *функцией*...» [9, с.46]. На средневековом этапе отмеченная диффузность сознания сохраняется и характеризуется *целостным, предельно обобщенным* охватом явлений — мировоззренческим синкретизмом, в котором «тесно переплетались идеи и представления, которые по привычным критериям историко-философского подхода можно отнести к сфере онтологии, гносеологии, этики, эстетики, историософии» [13, с. 48], следствием чего явился предельно *обобщенный взгляд* на вещи и явления, которые одновременно рассматривались как бы под разными углами зрения. Средневековый человек стремился охватить мир как целое. Этот тип мышления образовал такой способ категоризации действительности, при котором связь между категориями представляет не иерархию с четкими границами, а «ткань» [1], то, что так удачно было определено В.Н. Топоровым как «семантическое пространство» [16].

Эта целостность сознания, основанная как на ощущении (в архаический период), так и на представлении (в средневековый период), трансформировалась в семантическую целостность фольклорного знака, обусловив, таким образом, *комплексную* (а не иерархическую)

структуру значения фольклорного слова. Фольклорное слово (как и слово в любой традиционной культуре) — это «слово-комплекс» или «псевдопонятие» (Л.С. Выготский), «синкрета» (В.В. Колесов), которое способно объединять реалии окружающего мира по различным признакам, причем признакам конкретным, в первую очередь по смежности (метонимический принцип) и по сходству (метафорический принцип). Так как денотат в синкрете дан в его цельности, этим синкрета, по мнению В.В. Колесова, отличается от многозначности: «...сколько бы ни было контекстных «значений», в синкрете они равноценны, тогда как многозначность предполагает иерархию выявленных значений; синкрета не допускает коннотаций..., тогда как полисемия построена на их движении...» [9, с.47]. Поскольку означаемое выстроено по принципу смежности и сходства, то значение фольклорного слова включает в себя все, метонимически и метафорически связанное с предметом: ситуацию, в которую предмет вовлечен, расположение в пространстве, действие, обычно с ним производимое, а также ряд сходных предметов — «подобий» и т.д. В соответствии с этим фольклорное слово является означающим для целого (синкретичного в своей основе) ментального комплекса, куда на равных правах входят как референтное значение, так и значения, возникшие на основе не референтных связей, которые, по мнению С.Б. Адоньевой, «для фольклорного сознания не являются окказиональными (как, например, в случае авторской поэтической метафоры)» [1, с.108]. В этом нам видятся отголоски проявления закона партиципации [11] и принципа изоморфизма, на основе которых выстраивались мифологические тахсономии объектов действительности.

Все это наглядно демонстрирует высокую степень обобщения и семантической «монолитности» фольклорного слова, которое, в отличие от литературно-художественного аналога, участвует в речевой системности фольклорного текста не каким-то отдельным, возникшим в конкретном речевом контексте семантическим оттенком, а часто всем целостным семантическим объемом (причем «наполнение» этого объема зависит от глубины знаний фольклорной традиции у каждого участника акта фольклорной коммуникации). Этим обуславливаются суггестивная сила фольклорного слова, и, в целом, специфический механизм воздействия фольклорного текста на адресата (участника коммуникативного акта), который основан на совместном сопереживании от приобщения к традиции.

Следствием охарактеризованных выше закономерностей формирования традиционных фольклорных значений явилась отмеченная А.Т. Хроленко диффузность семантики фольклорного слова [17] и его нестабильный семантический объем. Нестабильный семантический объем фольклорного слова — «синкреты», формируемый на основе текстовых употреблений, можно проследить на примере слова *белый*:

— *С полуночи на гулянице пошел,
 Кы белу свету со гуляница идет...* [15, № 242];

— «Мы пойдем-ко, ребята, на святую Русь.
 Мы Казань-то городок возьмем со вечера,
 А Москву возьмем ко *белой заре* ...» [8, № 146];

— *Во лужку, братцы, гуляли, стали службу разбирать,
 Который прусской, который турецкий, а мы белаго царя...* [15, № 398];

— *А девица красавица
 По горнице ходит,*

*По новой гуляет;
 Увешана белая шея
 Крупными жемчугами,
 Унизаны белы руки
 Золотыми кольцами...* [15, № 137];

— *Мне не смыть да молодешеньке,
 С ретива сердца тоску-кручинушку,
 Со бела лица горючи слезы...* [7, № 234];

— *Вы, подружки, голубушки,
 Мои белые лебедушки...* [15, № 134];

— *Как во той во зеленой дубравушке
 Тут стоит да белая березонька,
 Зелена она, кудреватая...* [7, № 234];

— *Белый лебедь Михайлушко,
 Белый лебедь Иванович,
 Посиди-ка ты на лавочке,
 Посмотри-ка ты на окошечко,
 Расчеши кудри свои белые...* [7, № 279];

— *Заглянемте, девушки
 Под белый под шатер:
 Как под белым под шатром
 Спит молодчик молодой...* [4, № 309];

— *Они пишут письмо, ах, письмо все по грамотке,
 По белой бумажке...* [12, № 88];

— *Повезли-та его, доброго молодчика, во Тулу-губерню,
 Привезли-та его, доброго молодчика, ко белым палатам...* [15, № 207];

— *Шила, вышивала
 Тонкия, белыя,
 Белья рукава...* [4, № 596];

— *Я увязл жену молодую, словно ягоду налитую,
 Изсмушил я, искрушил жену как лутошку,
 И в лице ее сделал, как белу ветошку...* [4, № 862];

— *Как на речке на Валдайке
 Ехал миленький на палке:
 Ноги длинныя кривыя,
 Портки белые худыя...* [4, № 315];

— *Вытирай ножки резвые,
 Не марай полы белые...* [7, № 282];

— *Что сижу-то я, горюха,
 У красного окошечка,
 Что гляжу-то я, горюха,
 На белую улицу...* [7, № 226];

— *Не шути, белый детинка, — мне теперь не время...* [5, IV, № 376].

На основе данных словоупотреблений можно составить представление не только о семантической и функциональной широте прилагательного *белый*, но и о комплексном характере означаемого, в котором трудно четко вычленишь созначения (как, например, в многозначном слове, имеющем четкую иерархическую структуру). Однако это семантически нестабильное пространство поддается определенному структурированию, поскольку в нем можно выделить отдельные комплексы значений, обусловленные как референтными, так и не референтными связями.

1. Первое (и наиболее архаическое) значение фольклорного прилагательного *белый* — «связанный со стихией света, светлый, ясный» — детерминировано дуалистическими представлениями древних славян о явлениях природы и, соответственно, делением их на противоположные силы — света и тьмы. Как отмечает А.Н. Афанасьев, «у западных славян это двойственное воззрение на мир божий выразилось в поклонении Белбогу и Чернобогу, представителям света и тьмы, добра и зла» [2, т. 1, с. 48]. Это значение обнаруживается в сочетаниях *белая зоря, белый свет* («дневной свет», во временном значении). В.В. Колесов рассматривает последнее сочетание как разновидность народно-поэтических тавтологических сочетаний: «*белый свет* по своему исконному или, во всяком случае, древнему (XII в.) значению — либо «белое бело» либо «светел свет» [6, с. 234].

2. Поскольку в древних представлениях славян идея «света» связывалась с понятием дневного светила — *солнца*, а солнце уподоблялось блестящему венцу, короне на главе небесного бога и называлось царем, властителем света и дня, постольку вполне закономерен перенос эпитета небесного владыки на земного — *белый царь*. Однако в этом сочетании под воздействием воззрений, заставлявших в стихии света видеть высочайшее благо, добро, прилагательное *белый* расширяет свою семантику и приобретает значение «хороший, добрый», а в противопоставлении чужому (*прусскому* или *турскому*) — и более обобщенное значение — «свой, наш, русский», соответствующее положительному члену универсальной семиотической оппозиции: *свой/чужой, хороший/плохой*. Это значение можно считать традиционным, имеющим характер обобщения. В силу свой традиционности и высокой степени обобщения, оно обнаруживается и в других сочетаниях с прилагательным *белый* — *белый город, белая улица* (в нашем примере из свадебных причитаний сговоренка — просватанная девушка — горюет у красного окошка, прощаясь со своей, *белой улицей* и своими подруженьками, *белыми лебедями*).

3. Следующее значение, так же, как и предыдущее, развивается у прилагательного *белый* из традиционной ассоциативной связи света с благом, счастьем и красотой — *белое лицо, белое тело, белые руки, белая шея*. Но поскольку в эстетических представлениях народа *прекрасное* означает «соответствующее норме, идеалу», в соответствии с этим прилагательное *белый* в сочетании с существительными *лицо, тело, руки, шея, грудь* имеет значение «правильный, соответствующий норме» (т.е. *нормативно-оценочное значение*). Это правильные руки, лицо, тело, т.е. такие, какими они должны быть. Это традиционное, нормативно-оценочное значение отсутствует в литературно-кодифицированном варианте, т.к. связано с выражением традиционно-фольклорного, в основе своей обобщенного, смысла, имеющего в силу этого формульно-кодовый характер и передающегося в фольклорном тексте не одним словом, а целым комплексом устойчивых и общезначимых представлений. Существенно, что в семантическом пространстве фольклорного слова традиционное (в данном случае нормативно-оценочное) значение, обусловленное не референтными связями, является доминирующим, отодвигая на задний план денотативное (цветовое) значение, которое развивается у данного прилагательного значительно позднее. Этим объясняется, например, лакунизированное употребление в традиционном фольклорном тексте сочетания *белые руки* применительно к арапу.

4. В сочетаниях *белые лебедушки, белая береза, белый олень, белая рыбица, бел горюч камень* и др. один и тот же знак «корреспондирует» к двум смысловым рядам: к реальному, конкретному, денотативному, демонстри-

рующему референтные связи (*белый* как цвет) и традиционному (символическому), где прилагательное *белый* в сочетании со словами *лебедушка, береза, олень, камень* как единый знак служит означаемым для традиционного символа и, соответственно, обладает значением, которое можно охарактеризовать как *традиционно-символическое значение*, возникающее на основе не референтных связей. Так, в традиционном русском фольклоре *белая лебедушка* является символом девичества, *белая береза* — символом девичества и весны в поэтической лирической и обрядовой традиции, символом мирового дерева — в заговорах и т.д. Как и в случае с нормативно-оценочным значением, традиционно-символическое значение как наиболее обобщенное занимает доминирующее положение в данном семантическом комплексе.

5. На границе между нормативно-оценочным значением («хороший, соответствующий норме»), «красивый, яркий, сияющий» и собственно цветовым значением находится значение прилагательного *белый* в сочетаниях *белый шатер, белые палаты, белые кудри, белая бумажка* и др. Кудри, наряду с другими атрибутами внешности — *ясными очами, устами сахарными, ногами резвыми* и др. — входят в народные представления о мужской красоте и пригожестве. В.М. Богуславский, характеризуя национальный образ внешности (его мужскую составляющую), особое внимание уделяет кудрям: «Особое место в описании его (доброе молодца — М.В.) внешности уделяется кудрям. Они ассоциируются не только с внешней привлекательностью, но и с молодецкой удалью, свободой, бесшабашностью и как бы символизируют эти качества» [3, с.116]. Однако при этом их нормативный колоративный признак может быть двойным: добрый молодец в фольклорном тексте является обладателем как *белых*, так и *черных* кудрей. Как видим, у прилагательных *белый* и *черный* в сочетании с существительным *кудри* цветовое значение и нормативно-оценочное значения четко не разграничиваются, а образуют семантический комплекс, вывлекший соответствующий комплекс традиционных эстетических представлений.

Другой семантический комплекс отмечается у прилагательного *белый* в сочетании с существительным *бумага (бумажка)*: это взаимосвязь значений «хорошая, соответствующая норме» (как и другие, идеальные с точки зрения народных представлений предметы, описанные в одном с данным сочетанием песенном фрагменте: *белые каменные палаты, шатры шелковые, столы дубовые, чернильницы с золотыми краями*), цветового значения и значения «чистая, неисписанная» (это же значение у прилагательного *белый* В.И. Даль отмечает в сочетании *белый лист* — 4, I, 153). Однако необходимо заметить, что в том и другом комплексе доминирует нормативно-оценочное значение как наиболее обобщенное.

6. В следующих сочетаниях — *белые рукава, белые портки, белая ветوشка* — на первый план выдвигается цветовое, более позднее значение — «бесцветный, противный черному» [4, I, 152], хотя «отголоски» семантического комплекса и здесь слышны: оценочное значение в сочетаниях *портки белые худыя* («плохие»), *в лице ее сделал, как белу ветошку* (то есть сделал бледной, «некрасивой», в противоположность той, которую взял — *румяную, молодую*).

7. Очередной этап в семантическом развитии фольклорного прилагательного *белый* — это появление значения «чистый» в сочетаниях *полы белые, лавочки белые*. Позднее данное значение, по наблюдениям В.В. Колесова, в иерархии значений современного слова *белый* сместилось в соответствии с новыми представлениями о «белом» (на следующее за основным значением место — 4, I, 152).

8. Наиболее нечеткий смысловой контур у прилагательного *белый*, обусловленный предельной широтой функционирования фольклорных слов и соответствующей этому диффузностью (неопределенностью) их семантики, наблюдается в сочетаниях *белый детинка*, *бела рожь* и др. Здесь уместно вспомнить слова А.А. Потебни: «*Белый* не всегда служило исключительно тому понятию, которое мы под ним разумеем» [9, с. 33].

Подведем итоги нашим наблюдениям. Широта семантического диапазона фольклорного слова является, прежде всего, отражением стадийных изменений фольклорного сознания и аккумулятивной способностью различных форм традиционного искусства (в частности, фольклорного слова) удерживать в своей структуре элементы различных временных пластов (применительно к слову – семантические элементы, созначения), тем самым обеспечивая текучесть смыслов, неустойчивый семантический объем, диффузность (неопределенность) смыслов, отсутствие четкой иерархии значений внутри семантического пространства («ткани») фольклорного слова и, соответственно, его комплексный (синкретичный) характер. В целом, семантический объем, обусловленный функциональной и семантической широтой фольклорного слова, отражающий традиционный ментальный комплекс, формируется на основе взаимосвязанных значений, обнаруживающих как референтные, так и не референтные связи, и представляет собой нерасчлененный (синкретичный) комплекс с семантической доминантой в виде традиционного значения (нормативно-оценочного, традиционно-символического или традиционного, имеющего характер обобщения), обладающий большой обобщающей силой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адоньева, С.Б. Сказочный текст и традиционная культура / С.Б.Адоньева. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000. – 181 с.
2. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В трех томах / А.Н.Афанасьев. – М.: Современный писатель, 1995.
3. Богуславский, В.М. Человек в зеркале русской культуры, литературы и языка / В.М.Богуславский. – М.: Космополис, 1994. – 237 с.
4. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном. Т.1. Вып.1. – СПб., 1898.
5. Великорусские народные песни: В 7-ми томах. Изданы А.И. Соболевским. – СПб., 1895–1902.
6. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. / В.И.Даль. – М.: Русский язык, 1999.
7. Жили-были... Русская обрядовая поэзия. – СПб., 1998. – 285 с.
8. Исторические песни XVII в. – М.-Л.: Наука, 1966.
9. Колесов, В.В. Семантический синкретизм как категория языка // Вестник Ленинградского университета. Сер.2. Вып.2 (№9). 1991. – С.40–49.
10. Колесов, В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека / В.В.Колесов. – СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского университета, 2000. – 326 с.
11. Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление / Л.Леви-Брюль. – М.: Атеист, 1930. – 337 с.
12. Лопатин, Н.М., Прокунин, В.П. Русские народные лирические песни / Н.М. Лопатин, В.П. Прокунин. – М., 1956. – 458 с.
13. Мильков, В.В. Синкретизм в древнерусской мысли // Отечественная общественная мысль эпохи средневековья (историко-философские мысли). Сб. науч. тр. – Киев: Наукова думка, 1988. – С.46–56.
14. Потебня, А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. 2-е изд. / А.А. Потебня. – Харьков: Изд-во М.В.Потебня, 1914. – 243 с.
15. Собрание народных песен П.В. Киреевского. – Тула: Приокское книжное издательство, 1986. – 462 с.
16. Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического / В.Н.Топоров. – М.: Прогресс, 1995. – 624 с.
17. Хроленко, А.Т. Своеобразие фольклорного слова // Русский фольклор. Проблемы текстологии фольклора. XXVI. – Л.: Наука, 1991. – С. 123–130.

SEMANTIC SYNCRETISM OF FOLCLORE WORD

© 2012

M.A. Vengranovich, doctor of philological sciences,
professor of the chair «Russian language and literature»
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: folklore word; folklore thinking; folklore tradition; semantic syncretism.

Annotation: The article considers the semantic syncretism as a specific indication of folklore word, which is conditioned by specific character of the folklore thinking. This specific indication of folklore word is different from its written analogue – the literary word.